

АРХИВ РУССКОЙ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ АРМИИ

ВЫПУСК 2

Др. М. КИТАЕВ

КАК ЭТО НАЧАЛОСЬ

ИЗ ВОСПОМИНАНИИ СОТРУДНИКА ГАЗЕТЫ „ЗАРЯ”

**ИЗДАТЕЛЬСТВО АРХИВА РОА
НЬЮ ИОРК — 1970**

АРХИВ РУССКОЙ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ АРМИИ

ВЫПУСК 2

Др. М. КИТАЕВ

КАК ЭТО НАЧАЛОСЬ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ СОТРУДНИКА ГАЗЕТЫ „ЗАРЯ“

Под редакцией

М. В. ШАТОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АРХИВА РОА
НЬЮ ЙОРК — 1970

RUSSIAN LIBERATION ARMY ARCHIVES

№ 2

HOW IT BEGAN

RECOLLECTIONS OF "ZARIA"

NEWSPAPER CORRESPONDENT

Dr. MICHAEL KITAEV

EDITED BY

MICHAEL SCHATOFF

Library of Congress Catalog Card Number: 70-120681

**Published by RUSSIAN LIBERATION ARMY ARCHIVES
New York — 1970**

ПРЕДИСЛОВИЕ

Собрание и издание материалов по истории Освободительного Движения Народов России (ОДНР), — является главной задачей Архива РОА.

Со времени организации Архива РОА (1956 г.), вышли четыре больших работы — „Библиография ОДНР“, „Материалы и документы ОДНР“, „Биография ген. Власова“ и „Воспоминания зам. нач. штаба РОА полк. А. Алдана“. Кроме того, Архив РОА выпускает свои бюллетени для членов и друзей Архива.

Архив РОА не собирается навязывать авторам свои идеи. Мы считаем, что каждый участник ОДНР может и должен высказать именно свои убеждения и написать свои воспоминания так, как они ему кажутся правильными. Только так мы можем осветить настоящую историю ОДНР.

Публикуемые воспоминания доктора М. Китаева нами взяты из власовской газеты „Голос Народа“ (№№ 46-49, 1952 г.), органа СБОРН и СВОД.

В конце 50-х годов доктор Китаев был приглашен на службу в один из университетов Индонезии, откуда он несколько раз навещал друзей в Европе. По дошедшим до Архива сведениям, доктор Китаев скончался.

Многим власовцам доктор Китаев, капитан РОА, хорошо известен по школе пропагандистов в Дабендорфе, под Берлином. По невыясненным причинам доктор Китаев должен был покинуть ряды ОДНР до Обнародования Пражского Манифеста, создания КОНР и организации РОА в 1944 году.

Д-р М. Китаев

КАК ЭТО НАЧАЛОСЬ?

Из воспоминаний сотрудника газеты „Заря“

Нас было в комнате 11 человек. Теперь в живых осталось трое. Погибли все по разному: кто в пути, во время бомбежки, кто на Восточном фронте, кто на Западном. Один пал славной смертью на поле боя, командуя батареей, другие бесследно исчезли в застенках Гестапо или были казнены советами... Во всяком случае все погибли за одно дело.

Комната была не совсем обычная. Находилась она в одном из особняков на Викториаштрассе в Берлине. В этой комнате были сделаны первые номера „Зари“, „Добровольца“ и газеты „Боевой Путь“, предназначенной для сбрасывания по ту сторону фронта. Секретарь объединенных редакций этих газет, Н. Гранин, вскоре после окончания войны был захвачен советами и доставлен на самолете в Москву. Дальнейшая его судьба, несмотря на отсутствие сведений, вряд ли представляет загадку. Других фамилий я не хочу называть, — все мы были рядовыми бойцами Освободительной Армии Власова, начинавшей тогда только зарождаться. Наши имена не представляют большого интереса, это имена, каких много.

Зато были в этом же доме другие комнаты, и жили в них другие люди, имена которых стали теперь известны всему миру. Было их шесть человек. Если из нас трое все же уцелело, то из них не спасся никто. Это были генералы Власов, Жиленков, Малышкин и Благовещенский, а также главный редактор всей власовской прессы в то время, Мелентий Зыков, и его секретарь Ножин.

Первые шаги

Первоначально власовское движение было задумано немцами, как чисто пропагандная акция. Это было то, что теперь принято называть холодной войной или психологической стратегией. Писанием листовок для распространения по ту

сторону фронта занимались в том же доме до нас два молодых человека из числа военнопленных. Имена их остались неизвестными. Освоившись с расположением берлинских улиц и с их русскими обитателями, эти молодые люди в один прекрасный день исчезли.

Рабочий аппарат для новой акции подбирал Зыков. Стоит ли говорить о том, что, несмотря на голодное содержание в лагерях военнопленных, никто не хотел стать на положение кондотьера и не соглашался на участие в беспринципной пропагандной аванюре. К заверениям Зыкова о том, что это только начало самостоятельного национального и политического движения, относились скептически, но только до определенного момента. Зыков был опытным в политике человеком и главный козырь приберегал к концу. Когда он сообщал, что речь идет о деле, которое возглавляет герой обороны Москвы генерал Власов, положение, понятно, менялось.

Первая встреча

Все же, уже дав свое согласие и попав на Викториа-штрассе, мы ждали и требовали встречи с генералом Власовым. Встреча зависела не только от нашего желания. В окна были вделаны массивные решетки, и, хотя Власов находился в том же доме, попасть к нему было нельзя, так как все двери находились под замками, а у входа помещалась многочисленная немецкая вахта, примерно, из расчета один солдат на одного пленного.

Генерал Власов собрал нас в редакционной комнате. При встрече присутствовал немецкий офицер, представитель ОКВ, капитан Ш.,*) отлично владевший русским языком. Генерал Власов говорил негромко, спокойно и, как всегда, очень искренно.

— Вы не думайте, что это только пропагандная штучка. На такое дело я не стал бы вас звать. Мы начинаем большое дело, святое. Они — он кивнул в сторону немецкого офицера — думают ограничиться пропагандой. Пускай думают, что хотят. Я ничего не хочу скрывать и камня за пазухой у меня нет. Нет, — проговорил он после паузы, задумчиво, — тут одной пропагандой не ограничиться. — И, внезапно подавшись в нашу сторону, сказал весело и энергично: так или не так я говорю? — та-к... То-то и оно-то. Они, — генерал

*) Штрик-Штрикфельд.

Власов подчеркнул это презрительно ироническое „они” и снова кивнул в сторону немецкого офицера, — меня часто спрашивают, какие гарантии я могу дать, что получив оружие, не поверну его против немцев? А я отвечаю: лучшая гарантия — ваше собственное честное поведение по отношению к нам, русским. Что значит честное, объяснять не стоит: сами должны знать. А иначе лучше мне оружия не давайте, обязательно поверну против вас, немедленно поверну при первой же подлости с вашей стороны!

Власов долго говорил о немецких безобразиях, о тяжелом положении военнопленных, об издевательствах над населением на оккупированных территориях и над остовцами. Говорил, не стесняясь, откровенно. Особенно напирал на необходимость немедленно снять значек „ОСТ”. Запомнился один приведенный им пример. При посещении одного немецкого дома, немка хозяйка жаловалась на неблагодарность своей работницы-остовки. Она относилась к ней „почти” как к дочери: одела ее, обула, отвела отдельную комнату, не особенно утруждала работой.

— В таких условиях не живет ни одна немецкая прислуга, — уверяла немка. А девушка скучала, была недовольна и считала свою жизнь разбитой. Генерал Власов одним вопросом выяснил все положение.

— А кем она в России была? — спросил он.

Оказалось, что девушка — студентка последнего курса киевского медицинского института. Немцы закрыли институт, а ее увезли в Германию.

Много говорил нам генерал Власов о личных качествах людей, на долю которых выпала теперь честь поднять такое дело, как освободительная борьба. Одним из основных моральных качеств человека Власов считал скромность.

— Не ищите на этом пути славы, не ждите наград и благодарностей. Может быть, кто-нибудь из вас рассчитывает остаться в живых... я лично не рассчитываю.

Жизнь показала трезвость его оценки. Трое из нас все же случайно уцелели. Но я думаю и надеюсь, что так же думают и мои товарищи, которых я теперь потерял из виду, что наша жизнь принадлежит нам лишь постольку, поскольку мы будем продолжать дело генерала Власова.

Власов просил не рассматривать его как будущего претендента на роль правителя России в случае победы.

— Я не мечтаю и не хочу вообще входить в правительство.

Когда кончится борьба я хочу только одного — опять получить дивизию.

Свою большую речь генерал Власов закончил анализом военной и политической обстановки.

— Меня часто спрашивают, кто выйдет из этой войны победителем. На этот вопрос я могу ответить совершенно точно: победит тот, кто сделает меньше политических, военных и хозяйственных ошибок.

Эта часть его речи была не совсем ясна для многих из нас, в том числе и для меня. Свои сомнения по этому поводу я высказал в тот же вечер Зыкову.

— Вы неправильно поняли генерала, — сказал он. Сейчас время для прямых заявлений несколько неудачное. Мало иметь уши, надо иметь еще и голову, чтобы не только слышать, но и понимать. Мы заключаем с Германией брак не по любви, а по расчету. Точнее мы видим в немецких вооруженных силах единственный реальный шанс, с помощью которого мы сможем изменить политический порядок на нашей Родине. Если завтра весы военного счастья качнутся в сторону Англии, мы будем работать с англичанами и ориентироваться на Англию, с которой нам вообще по многим причинам больше по пути, чем с Германией.

Когда я попытался поставить точки над и, Зыков остановил меня и холодно заметил, что по его мнению, он сказал достаточно.

Наша работа

Теперь не бесполезно вспомнить первые недели нашей работы. Главное, что я хотел бы отметить, это необычайный моральный подъем, необычайное воодушевление. Мы находились в состоянии полной мобилизации душевных сил. Часто власовцам бросают упрек в том, что они встали на путь борьбы в расчете на какие-то материальные блага, или попросту с голодухи. Мои товарищи того времени и присоединившиеся к нам несколько позже могут рассказать об этих „материальных благах”, которыми мы тогда располагали. Прежде всего мы были попрежнему в плену. Начиная свое дело, мы знали, что мы добьемся свободы, но никто нам ее не обещал: ни немцы, ни генерал Власов.

Наше жалование состояло из 15 марок в месяц, выдава-

емых бонами, то есть то, что в то время получали все военнопленные. Стоит ли говорить, что на эти бонны нельзя было решительно ничего приобрести. Наше питание было не лучше, а хуже соответствующего питания рабочих команд военнопленных, что касается табаку, то его не было вовсе. Это особенно трудно переживали профессионалы-газетчики, не привыкшие работать без папиросы. К этому следует добавить, что все мы были истощены после тяжелых месяцев плена зимы 1941-42 гг., а некоторые даже серьезно больны.

Тем не менее работа шла чуть ли не круглые сутки. Нередко можно было видеть, вернее слышать, как кто-нибудь среди ночи поднимался с постели и, взяв со стола пишущую машинку, уходил в редакционную комнату. Так родились первые номера „Зари“, „Добровольца“, фронтовой газеты „Боевой Путь“ и множество листовок. В это время были сформированы и опубликованы 12 пунктов Смоленского Комитета, являвшиеся первой писанной программой власовского движения. Впоследствии они были повторены и развиты в Пражском Манифесте. Важно подчеркнуть то, что в условиях нацистской Германии власовское движение родилось, как движение демократическое, каковым оно остается до сегодняшнего дня и останется дальше.

О том, что наша работа не пропадает даром, мы могли судить хотя бы по тиражам наших изданий. Тираж „Зари“ быстро вырос до 50 тысяч, потом поднялся до 200 тысяч. Отдельные номера печатались тиражом в 600 тысяч. Выступления Власова расходились миллионными тиражами. До нас доходили сведения, что на толкучках оккупированных областей „Зарю“ продают из-под полы по несколько сот рублей за экземпляр.

Просматривая теперь эти наши первые номера, видишь, как многое было наивно и несовершенно. Полноценной и совершенной была только идея — гордый и мужественный призыв генерала Власова к пробуждению национального самосознания, призыв к свободе.

Генерал Власов жил в маленькой комнатке, имевшей не более восьми квадратных метров. Там стоял шкаф, стол, два стула и узкая солдатская койка. Особенно запомнилась эта койка, всегда заправленная с предельной аккуратностью. К ней не смог бы придаться даже самый требовательный старшина. Было сделано много попыток освободить генерала

Власова от уборки комнаты, но он с негодованием отвергал все подобные предложения и делал все сам.

В другой, тоже небольшой комнатке жили генералы Малышкин и Благовещенский, бывший тогда редактором „Зари”. Вскоре к нам присоединился прибывший с Восточного фронта генерал Жиленков. В нижнем этаже жил Зыков со своим секретарем Ножиным.

Об идеологии нацизма

Воспитанные на диалектическом и историческом материализме мы не мыслили себе общественной организации без теоретической, философской базы. Нам казалось, что такая философская база должна быть и у немецкого национал-социализма. Всякий удобный случай мы стремились использовать для того, чтобы проникнуть в тайны идеологии нацизма. Интеллигентные немцы, которых, кстати сказать, мы тогда встречали немного, всячески обходили этот вопрос, отнекивались, или бормотали что-то невнятное о Канте.

С этими наболевшими вопросами обратились мы в то время к Зыкову, человеку, возглавлявшему власовскую прессу. Зыков был подлинным начальником штаба идеологической войны. Работал он как начальник штаба в армии, оставаясь в тени, и неутомимо облачая в конкретные формы идеи командующего. К Зыкову мы еще подробно вернемся ниже.

— Вы спрашиваете, какая у них идеология? — переспросил он. — Как бы это вам в популярной форме объяснить. Я могу ответить одной поучительной историей, которую прочел в детстве. Некий древнеегипетский жрец, умирая, должен был передать религиозные тайны своему ученику. Последний робел и боялся этого момента. Когда же час настал, старый жрец объявил, что тайна заключается в том, что никакой тайны нет. Нет у них, нацистов, никакой идеологии в современном смысле этого слова! Это кучка безграмотных авантюристов, захватившая власть, и, как это не прискорбно, это дорого обойдется немецкому народу. Впрочем... вот можете почитать: это бред Розенберга на съезде в Нюрнберге. Можете и не читать: тоже ничего не потеряете.

Я все же прочел. Там были кое-какие попытки синтезировать мировоззрение из отдельных частей учений Канта, Лютера и Гете. В общем это производило впечатление неуме-

ло написанных декораций к социальному спектаклю нацизма.

Многие представители немецкой интеллигенции совершенно разделяли сложившиеся у нас впечатления о моральной и идеологической сущности Гитлера и его окружения. Эти люди искали нашей близости и в первую очередь искали личного контакта с генералом Власовым. К числу подобных людей принадлежит известная немецкая журналистка мадам В,*) , сделавшая в то время для начинавшегося власовского движения чрезвычайно много. Год тому назад мне случилось несколько раз встретиться с этой замечательной женщиной в Мюнхене. Мы разговорились о прошлом, о Власове, о Гитлере.

— Я видела их обоих и обоих хорошо знала. В 1931 году Гитлер несколько раз ночевал в моей берлинской квартире. Я была тогда близка к наци и помогала ему скрываться. Я порвала с ними перед самым приходом его к власти. Поверьте моему слову, Гитлер в сравнении с Андреем Андреевичем — полное моральное ничтожество.

Об обидах

В то время, т. е. к началу 1943 года, уже успело появиться достаточное количество всевозможных „вождей”, партий, союзов и групп. У каждого из таких образований были и свои покровители, начиная от министра восточных областей Альфреда Розенберга и кончая неизвестными немецкими комендантами лагерей военнопленных и работников лагерных абверов. Немцы делали ставку на людей обиженных советской властью. Поэтому на авансцену выступали бывшие белые офицеры и репрессированные. У обиженных на первом плане стояли мотивы мести за испытанные страдания. О том, какой ценой будет достигнуто удовлетворение чувства мести, они задумывались мало. Среди „обиженных” было не мало и таких, которые выдумывали свои обиды, сидя на голодном пайке в плену. Среди репрессированных первую скрипку играли уголовные элементы, ставшие своего рода аристократией лагерей военнопленных и составлявшие большинство комендантов и лагерных полицейских.

Идеология предлагаемая сверху, т. е. исходившая от нем-

*) Wideman.

цев или от „консультантов” по русскому вопросу, состоявших в большинстве из старых эмигрантов монархического направления, сводилась к пропаганде реставрации в России дореволюционного режима. Считалось естественной и само собой разумеющейся ведущая роль Германии. Отторжение от России части областей (гл. обр. Украины) и отделение всех или почти всех национальных республик тоже было поставлено на повестку дня.

В этой-то обстановке и прозвучали записанные на пленку и повторенные миллионы раз типографским шрифтом знаменитые слова генерала Власова:

„Советская власть меня ничем не обидела”.

Именно с этого надо было начинать. Не с программ, а с того, чтобы показать, что борьба ведется не из-за личных обид, не из-за удовлетворения чувства мести, а за изменение политического режима, от которого плохо всему народу, всем вместе и каждому в отдельности.

За что и против чего?

С самого начала, с первых шагов движения Власов и его сотрудники того времени поставили вопрос с предельной четкостью. Мы хотим бороться прежде всего не против, а за. Основной тезис был таков: в народной революции 1917 года февральской и октябрьской,*) а также в гражданской войне, народ в борьбе со старым монархическим режимом завоевал демократические свободы, вполне обеспечивающие ему дальнейшее свободное развитие. Все достижения народной революции шаг за шагом были отняты большевиками. Поэтому мы и начинаем борьбу за отнятые достижения народной революции, против тех, кто эти завоевания отнял, т. е. против большевиков. Но в самом начале мы должны сказать, что не только большевики — наши враги. Наши враги также те, на кого обрушились удары народной революции 1917 года — сторонники самодержавия, сторонники неограниченной монархии. И, чтобы внести полную ясность в политическую программу, возглавляемого им движения, чтобы отсеять случай-

*) Ряд высказываний и формулировок автора (в частности, в вопросе об октябрьском перевороте 1917 г.) не совпадает с мнением Редакции.

ные элементы, чтобы не внушать людям обманчивых иллюзий, Власов заявил:

„Никакой реставрации!”

Приняв такой категорический лозунг, движение приняло на себя большую ответственность. Монархисты — безусловные враги советского режима, и могли бы быть союзниками в нашей борьбе против большевизма. Вставал вопрос об отношении к ним: Власов отвечал на этот вопрос так:

„Того, кто захочет бороться с большевиками вместе с нами, на наших условиях, за наши требования — милости просим. Мы забудем, кем ты был, нас интересует, кто ты сейчас. У нас нет для таких людей камня за пазухой, но горе тем, кто в наши ряды святой освободительной борьбы придет, имея за пазухой камень!”

Приняв тезис — никакой реставрации, необходимо было определить свое отношение к режиму Временного правительства. Мне кажется, что это отношение было сформулировано с предельной четкостью и до сего времени может в неизменном виде войти в общую программу борьбы всех антибольшевистских сил.

„Никакой реставрации” — значит, что не должна иметь места и реставрация режима Временного правительства. Жизнь новой России должна быть построена, исходя из тех социальных изменений, плохих и хороших, которые произошли за время господства большевиков.

Это вовсе не означает отрицательного отношения власовского движения к политике Временного правительства. Напротив, многие задуманные тогда реформы, осуществить которые не удалось в силу неблагоприятной обстановки, необходимо провести в жизнь, когда в России победят демократические силы. Это означает только то, что должно быть учтено все новое, что внесло в социальные отношения в России время.

Отрицание отрицания

Я попробую остановиться на рассмотрении некоторых пунктов программы движения, возглавляемого генералом Власовым, в том виде, как это мыслилось в то время, т. к.

считаю, что это имеет не только исторический интерес. Чтение наших зарубежных газет, журналов и книг показывает, что многие, с большим трудом выработанные в то время понятия, теперь прочно вошли в жизнь, стали сами собой разумеющимися. Но это все же не всегда так, и кое-где мы сделали несколько шагов назад. К числу таких вопросов принадлежит, на мой взгляд, вопрос об отношении к советской власти. Сейчас часто приходится сталкиваться с такой упрощенной формулой: раз — большевизм, значит, — чужь. Это неверно, и на первом этапе власовского движения вопрос так не стоял. Существует точка зрения, что то положительное, что сделано в годы советской власти, достигнуто народом вопреки большевикам. Это тоже неверно. Кое-что хорошего сделали и сами большевики и отрицание этого ни коим образом не усиливает наших позиций. Отрицание объективно существующего, отрицание фактов ведет к неправильной оценке противника, его сил и возможностей, а, следовательно, в конечном счете, к поражению. Следует не отрицать положительных достижений большевиков, но вскрыть их сущность, показать, как и почему это произошло и чего это стоило народу.

Приведем несколько примеров. Индустриализация страны проведена народом не вопреки большевикам, а под их руководством. Но индустриализация это проведена, во-первых, на костях народа, во-вторых, неумело, непродуктивно. За это большевики должны понести ответственность и понесут ее.

Введение всеобщего обучения, ликвидация неграмотности, создание многочисленных кадров новой технической и нетехнической интеллигенции — все это сделано народом опять-таки не вопреки большевикам, а под их руководством. На это не следует закрывать глаза. Совсем другое дело, что большевики вынуждены были сделать это, ибо без этого не могли провести программы индустриализации, необходимой, в свою очередь, для осуществления их конечной цели — мировой революции. Большевики отлично сознавали, что готова интеллигенцию из народа, они продуцируют собственных могильщиков. Поэтому они принимают все меры, чтобы эти новые кадры не осознали своего общественного значения и своей исторической миссии — свержения большевизма и освобождения народов России. Но эти новые кадры из народа осознали и свое общественное значение и свою историческую миссию. Мы и есть часть этих новых кадров А генерал Вла-

сов есть один из крупнейших политических вождей этих новых людей, который помог миллионам и даже наметить конкретные пути борьбы. Таков, по нашему мнению, правильный взгляд на советскую власть, таково значение личности А. А. Власова, как политического вождя.

Современные кондотьеры

Как мы уже говорили, к моменту возникновения власовского движения было много различных политических группировок. Было много людей, пытавшихся сыграть политическую роль; среди них находилось не мало политических шулеров и проходимцев. Эти, с позволения сказать, „вожди” нашли известное число последователей, которые были не только плохие люди. Последним предлагали экспортировать в Россию национал-социализм, итти бороться с партизанами, а в награду обещали освобождение из плена и даже „вино, табак, голых женщин” (были и такие немецкие листовки). Тем, у кого вообще ничего не было, обещали „вторую баланду”, т. е. вторую миску супа из тухлой брюквы. Эта „вторая баланда” стала своего рода символом, и т. н. теория „второй баланды” имела не мало теоретиков из числа сытых и не мало последователей из числа умирающих от голода.

Во всем этом хаосе голодных и сыпнотифозных смертей, воя геббельсовской пропаганды и бесчинств предателей многие потеряли самих себя. Им нужен был отрезвляющий голос. И этот голос прозвучал. Он прозвучал не из кабинетов зондерфюреров, не от экспортеров национал-социализма отечественного происхождения, а изза колючей проволоки, за которой томились миллионы, жаждущие этого слова. Голос этот принадлежал военнопленному генералу, который был защитником столицы нашей Родины и героем этой тяжелой напряженной борьбы, но сейчас разделял нашу судьбу. И миллионы, попавшие в сети голодного шантажа спрашивали себя: почему же этот человек не говорит „яволь” и не пытается получить „вторую баланду”? Ему наверно не трудно было бы получить и пожирнее и с добавкой. А этот человек заявил:

„Если я получу возможность формировать русскую освободительную армию, в ней не будет места кондотьерам, наемникам, сделавшим из войны ремесло. Мне не нужны про-

фессиональные убийцы. Не будет места в наших рядах никому, кто продает свою совесть, как бы высоко за нее не платили”.

Слова эти не были напечатаны, не были переданы по радио, не были высказаны в какой-либо митинговой речи. Они были сказаны тихо, доверительно ближайшим друзьям и соратникам. И... странное дело, когда генерал еще сидел в плену, слова его сломали преграду колючих изгородей, и начался странный отлив из немецких полицейских формирований. В то время случилось нам наблюдать у котла с лагерной баландой такую сцену. Лагерный полицейский пытался восстановить порядок среди напивавших на котел доходяг и плачущим голосом говорил:

— Ребята, не напирай! Чего вы от меня хотите? Я, как собака! Поставили, сказали стереги! Я...

И вдруг он бросил дубинку на землю, сорвал с себя шапку, сел в перемешанную со снегом грязь и заплакал.

Полицейский попал в карцер на три дня и вылетел из лагерной полиции. Зато, несколькими месяцами позже я видел его с эмблемой РОА на левом рукаве. Это было искуплением. Многие, быть может, большинство таких людей попали в РОА без подобного искупления. Но исповедь перед самим собой была проделана этими людьми в глубинах своей души. И признаться в своем прошлом им было не только страшно, но и мучительно стыдно.

Так жизнь опрокинула „теорию второй баланды”, показала путь миллионам отчаявшихся людей. Многие из их маршировали потом в первых дивизиях РОА, многие из них маршируют и сейчас в лагерях истребления на берегах Печоры. Погиб в результате роковой исторической ошибки наш вождь, но остались высказанные им, простым человеком из народа, простые и ясные мысли. Вот поэтому-то и не упало на землю выроненное им знамя. Оно и не упадет никогда, потому что при любых условиях найдутся миллионы рук, чтобы его подхватить.

О дереве и его корнях

Если мы считаем, что генерал Власов является мощным стволом нового политического движения, то невольно возникает вопрос: а какие же корни питают это дерево? Насколько

прочна удерживающая его основа? Попробуем разобраться в этом хладнокровно, без лишней полемики, сначала для себя, а потом и для других. Да, мы, власовцы, сильны сознанием, что родились как массовое политическое народное движение и прошли путь суровой борьбы, отмеченный пока больше жертвами, поражениями и неудачами.

Не мало всяких случайны идеек цеплялось за ветви нашего дерева. Были и такие „политики”, которые пытались „захватить решающие посты” в нашем движении и гордились тем, что на момент достигли этого. Но проходило время, и случайные элементы отсеивались.

Да, это, действительно, два основные элемента власовского движения — его массовость и его народность. Массовость — это означает, что идеи власовского движения являются выражением стремлений большинства народов России. **Народность** — это значит, что эти идеи одинаково близки всем основным социальным группам: рабочим, крестьянам и интеллигенции. Эти утверждения не есть просто слова, нанесенные на бумагу. Власовское движение с его первого шага характеризует стихийный и бурный рост, присоединяющихся к нему последователей. В течение первых же месяцев своего существования, несмотря на множество различных групп, союзов, партий и т. д., власовское движение завоевывает абсолютное большинство среди миллионов остовцев, военнопленных и населения занятых немцами областей. Это было, именно, движение, а не партия. К Власову приходят люди из всех социальных слоев: ярославские рабочие, сибирские крестьяне, московские и ленинградские интеллигенты. В РОА находили общий язык люди самых различных профессий, начиная от бывшего секретаря райкома партии из Москвы, до русского священника-эмигранта из Польши. Огромна была преубеждающая сила власовского движения. Подчас инстинктивно чувствуемая народная правда приводила в наши ряды заядлых монархистов и заставляла их отказываться от своих убеждений. Люди, гордившиеся своими титулами и давно потерянными сословными привилегиями, соприкоснувшись с истинным источником народности, старались забыть об этом и забывали.

Такова основа питающая движение, возглавляемое во время войны генералом Власовым. Эта основа — народ.

Неправильно было бы думать, что Власовское движение возникло внезапно в результате „Открытого письма генерала

Власова". Оно было подготовлено всеми долгими годами господства большевиков в России, и успех его объясняется лишь тем, что Власов выразил чаяния народа.

Неправильно было бы думать, что у власовского движения не было предшественников. Неправильно думать, что когда мы говорили о наших предшественниках, то мы, якобы, больше „для порядка" упоминали декабристов, Чернышевского и т. д. Будучи движением народным, власовское движение неразрывно связано со всеми попытками народа бороться за свою свободу и является прямым и законным наследником всех народных движений.

Дело не в декабристах и не в Чернышевском, а в стремлении народа завоевать демократические свободы. И мы рассматриваем свое движение, как часть исторической борьбы всех народов России сначала с самодержавием, а теперь с большевиками. При этом нам близка всякая борьба за свободу и безразличен вопрос о том, от какого класса исходит инициатива этой борьбы. Исторические корни власовского движения начинаются не с декабристов, не с Чернышевского или с какого-либо другого произвольного пункта истории, а с того момента, когда началась борьба за демократию. Поэтому мы горды древними традициями вечевого управления, горды нашей классической древней демократической республикой — Великим Новгородом, горды народными движениями Степана Разина, Богдана Хмельницкого и Емельяна Пугачева, несмотря на совершенные их вождями ошибки, на которые мы и не думаем закрывать глаза, как это воображают некоторые. Мы горды демократическими реформами Петра и сожалеем о тоталитарных сторонах его деятельности, горды просветительной деятельностью наших великих императриц Елизаветы и Екатерины II, подготовивших почву для декабристов. Вот именно в этой последовательности, а отнюдь не случайно говорим мы о декабристах, говорим основываясь на изучении предложенных Северным и Южным Обществами проектов конституций (Трубецкого и Пестеля), основные пункты которых повторяются во всех демократических конституциях мира и которые мы поставили в Смоленской Декларации, а затем повторили в Пражском Манифесте.

В идеологической борьбе, происходившей в России в XIX веке наши симпатии вполне определенно лежат на стороне западников, потому что мы такие же последовательные демократы, как они и западничество мы рассматриваем не как

преклонение перед Западом, а как интернациональное сотрудничество народов, что тоже является неотъемлемой частью всякой истинной демократии и поэтому власовского движения. Таким образом, упоминая имена хранителей демократических принципов, имена борцов за демократию, ее апостолов: Герцена, Белинского, Добролюбова и Чернышевского, мы делаем это не „для порядка“, а преклоняясь перед этими святыми именами наших отцов и учителей. Так же святой является для нас кровь народовольцев, кровь российских социал-демократов, кровь эсеров, пролитая в революционной борьбе за свободу народа.

Мы глубоко уважаем тех наших политических соратников, которые за долгие годы изгнания сумели сохранить в чистоте демократические принципы. Несогласия в некоторых пунктах программы заставляют нас бороться с этими партиями, но это есть обычная для демократического строя борьба политических партий, являющаяся источником силы и жизнеспособности этого строя. В области же нашей общей борьбы против большевиков мы едины.

Мы являемся продолжателями дел многих антибольшевистских групп в период советской власти, но не всех. Если мы по тактическим соображениям считаем возможным иногда блокироваться с монархистами, то делаем это честно, предупреждая, что конечные цели наши абсолютно различны. Конечно, разумные монархисты всегда могли бы найти путь для сотрудничества с нами. Этот путь заключается в конституционной монархии. Существование такой партии не противоречит принципам демократии. В этих рамках монархисты могут иметь свободу пропаганды своих идей, и если народ пожелает принять форму правления, скажем, подобную принятой в Англии, мы не будем иметь никаких оснований для возражений. Если же нет, то монархическая партия может существовать, коль скоро она является выражением мнения определенной части народа, как существует, скажем, бонапартистская партия в демократической Франции. Поэтому мы вынуждены рассматривать монархистов, отказывающихся от совместной борьбы против большевиков, не только как неразумных людей, но как наших врагов и объективных союзников большевиков.

Из антибольшевистских движений в период советской власти наиболее близким нам является так называемая **правая оппозиция**. Неправильно рассматривать правую оппози-

цию только как оппозицию внутри партии большевиков. „Правый уклон” был широким политическим движением, борьбой за демократические свободы, в котором приняли участие десятки миллионов людей из всех общественных классов, особенно из крестьян. Не следует забывать, что и партийные вожди правой оппозиции имели смелость выступать открыто против марксизма. Примером этого является попытка Бухарина заменить марсистскую теорию классовой борьбы теорией равновесия, почерпнутой им у позитивиста Спенсера и развитой им применительно к русским условиям (Теория равновесия и теория мирного вставания кулака в социализм). Мы не являемся ни правыми уклонистами, ни бухаринцами, но многие пункты, за которые боролись правые, стоят и в нашей программе, многие бывшие правые стали власовцами, даже вождями этого движения. Самым значительным из них является бывший сотрудник Бухарина, руководитель власовской прессы, Мелентий Зыков. Близко к правой оппозиции стояли в СССР генералы Благовещенский и особенно Малышкин и Жиленков.

Вот каковы, в кратких чертах, исторические корни власовского движения. Вот, как надо понимать слова генерала Власова: „**Прошлое России — наше**”. Вот, что дало ему право заявить: „**Будущее России — тоже наше**”. Вот почему мы повторяем вслед за ним: „**Россия наша! На своих знаменах мы написали сегодня власовские слова: „Мы с народом, мы за народ**”. Мы делаем это с гордым сознанием собственного права, потому, что мы и есть сами этот народ.

Почта „Зари”

Одним из самых волнующих занятий в редакции был разбор почты. Писем сразу стало приходиться много, и число их изо дня в день росло. Сначала письмами мы занимались все понемногу. Потом пришлось посадить на письма специального сотрудника и все же повседневно помогать ему. Вскоре над письмами работало уже двое, но, несмотря на нашу систематическую помощь, они все же несправлялись с работой. Наконец был создан отдел писем, однако и при этом условии пришлось часть писем передавать в учебную часть лагеря Дабендорф. Сильно разгрузил нас переезд генерала Власова в Далем и организация его собственного управления

делами. Однако, несмотря на все это, отдел писем продолжал оставаться самым большим в редакции.

Письма были барометрами движения, контролем совестью нашего рабочего аппарата. Люди живо и немедленно отзывались на все помещаемое в газете. Когда немцы стали зажимать власовское движение и ограничивать печать путем введения цензуры и присылки обязательного материала, больно было видеть, как иссякает некогда полноводный поток писем.

Письма были не только проверкой правильности избранной нами политической линии или проверкой решений, принятых по отдельным вопросам. Они подсказывали нам эти отдельные решения, подсказывали политическую линию. Это было дыхание масс. Но все чаще и чаще наши ответы на эти письма, содержащиеся в подготовленных для печати статьях, снимались цензорами и заменялись, обязательным материалом. Немедленно мы получали гневные отклики читателей. Это ставило сотрудников редакции в тяжелое, двусмысленное положение. У многих нехватило характера выдержать эту пытку и они предпочли отойти от власовского движения. Другие решили пойти в массы, чтобы живым словом донести до наших читателей смысл происшедшего. Такие были удалены из редакционного аппарата и даже арестованы Гестапо. Но все же сохранилось небольшое редакционное ядро, из которого образовалась потом редакция власовской „Воли Народа”.

Теперь о самих письмах. Наибольший отклик вызвала взятая нами линия на пробуждение национального самознания. Пришлось с радостью констатировать, что оно и не думало засыпать, а, возможно, лишь дремало до поры до времени.

„Читаем и не знаем, что делать: удивляться, радоваться, верить?” — писала нам группа военнопленных.

„Удивляться нечему, — а радоваться подождите. Давайте вместе работать. Помогайте нам.” — отвечали мы.

Писали офицеры, солдаты, оловцы — в прошлом рабочие и крестьяне. Писем от интеллигенции было сначала меньше, но вскоре и они стали приходить чаще. Нас считали своими и писали, как своим. Критиковали и осуждали больше, чем хвалили, но в критике не было враждебного тона. Часто мы получал резолюции, вроде следующей:

„Политическую линию в целом одобрить. Указать на недопустимость подхалимства к немцам. Этого раньше не было (стал приходиться принудительный материал. М. К.). Статьи против евреев также неуместны: это снижает доверие масс”.

Коллективные письма с несколькими десятками подписей были обычным делом. Их приходило по нескольку в день. Нередко получались письма с сотнями подписей. Почти все они говорили о желании возможно скорее присоединиться к движению. Особенно запомнилось письмо от офицеров из лагеря Гамельбург. Это было мужественное письмо, написанное четко, по-военному, где всякие проявления чувств были сдержаны, как неуместные, но все же прорывались между строк. На первом месте сотни подписей стояла подпись начальника артиллерии 2-ой ударной армии, которой командировал Власов, — полковника Кайгородцева. Было ясно, что если этих людей освободить из плена, то они не будут сидеть, сложа руки. В то время немцы испугались сделать это, и множество бывших боевых соратников генерала Власова и сторонников нашего движения остались сидеть за колючей проволокой.

Некоторые ограничивались пожеланиями. Особенно радовали нас лаконичные и жизнерадостные строки, вроде:

„Жми, ребята на все педали!”

Особенно чувствительна была читательская масса того времени к вопросу о возможности реставрации старого режима. Много раз нам пришлось убедиться в правильности лозунга: „Никакой реставрации” и в правильности курса на новое строительство государства с учетом происшедших социальных изменений.

Специально для монархистов хочется процитировать письмо барона Нольде, старого гвардейского офицера:

„Ваше высокопревосходительство, господин главнокомандующий! — писал он. — С этого момента прошу числить меня в рядах возглавляемых Вами вооруженных сил. Я согласен занять любое место, на которое Вы меня назначите, и сочту за честь быть простым солдатом Вашей армии, несмотря на то, что имею чин ротмистра. Мне 70 с лишним лет (не помню точно возраст автора письма. — М. К.). Я абсолютно здоров и, несмотря на мой возраст, крепок. Я не курю и трезв...”

Большое число писем вызвала, помещенная нами полоса „Наш Маяковский”. Материал был изуродован немецкой цензурой и сильно урезан. Мы долго колебались, давать ли его вообще. Но даже в таком урезанном виде материал себя оправдал; отрицательных отзывов было немного. Больше всего писем было посвящено тому, что наши читатели считали своим, что считали они нашим наследством. От „нашего Маяковского”, от наших писателей и художников, мы перешли к нашему революционному прошлому. Так родилась полоса о Чернышевском, завершавшая ряд материалов о западниках. Часто мы давали эти материалы, не указывая, что те или иные мысли принадлежат Герцену, Белинскому или Добролюбову, чтобы избежать столкновений с цензурой.

По поводу материалов о Чернышевском мы получили много откликов от старых эмигрантов, бывших старых русских социал-демократов. Особенно интересно и ценно было для нас письмо присяжного поверенного Чернова из Франции. Он как бы резюмировал все высказанное читателями по этому поводу.

„Признаться я был сильно удивлен, найдя на страницах Вашей газеты такую интересную трактовку Чернышевского. Все же чувствуется, что Ваше положение часто заставляет Вас писать не то, что Вы думаете, или прибегать к эзоповскому языку. Вы можете считать свою цель достигнутой: то, что Вы хотите высказать между строк, доходит до понимающего читателя. Сам факт появления такой большой статьи о великом русском демократе просто поразителен. Я убежден, что после этого в Ваши ряды вольются многие представители левых течений старой эмиграции”.

Таким образом подводился фундамент под слова генерала Власова:

„Прошлое России — наше”

Как видим, генерал Власов не просто выдумал этот лозунг. Это не крылатые слова и не громкая фраза. Это просто зафиксированное мнение народа. Власов сформулировал то, что говорила ему сама жизнь, а выражать мнения и желания народа и значит быть народным вождем.

О национальном вопросе

Как и следовало ожидать, много писем вызвало опубликование материалов по национальному вопросу. Здесь нам было особенно трудно. Прежде чем перейти к политическим заявлениям программного характера мы хотели подготовить почву, выступая по, казалось бы, второстепенным поводам. Мы дали небольшую заметку о Лесе Украинке и подготовили полосу о Тарасе Шевченко. За Лесю немцы устроили нам крах, а полосу о Шевченко сняли уже в типографии. Нам было запрещено затрагивать какие либо национальные вопросы, кроме русского. Подчинившись этому по необходимости, мы сами того не ожидая, вызвали огромный поток писем.

„Почему вы не пишете о других национальностях Советского Союза?“ — спрашивали нас. — „Почему в газете так мало о других национальностях России?“ „Почему со страниц газеты совершенно исчез национальный материал?“ Особенно трогательны были заявления вроде: „Я русский калмык . . .“

Формально наша точка зрения по национальному вопросу мало чем отличалась от зафиксированного в конституции СССР пункта о последовательном проведении принципа самоопределения наций вплоть до отделения и образования самостоятельных государств. По существу же наша точка зрения сильно отличалась от этого фальшивого заявления большевиков. Мы всегда делали ударение не слове фактическое. Фактическое обеспечение народам России права на самоопределение. Фактическое предоставление народу демократических свобод, и т. д.

Анонимные корреспонденты

Остановимся теперь на письмах без адреса отправителя. Не вполне точно называть их анонимными, так как они часто были подписаны. Фамилии были вымышленные, да если и были настоящими, то вряд ли бы, что-либо сказали. Совершенно отчетливо пришлось нам столкнуться с действием большевистской агентуры. Агентура эта работала не глупо, и мы не сразу поняли с кем имеем дело. Большевистские агенты пытались нам доказать, что наша затея не находит отклика в народе, что массы не идут за нами. Для этого они посы-

лали многочисленные резолюции, якобы, имевших место собраний остовцев, военнопленных и т. д. Эти письма резко отличались от подлинных резолюций подобных собраний отсутствием подписей и ограничивались лишь указанием числа участников. Тщательная проверка фактов показала нам, что в действительности собрания не имели места, и все является чистой провокацией. Однако, пока нам удалось все это доказать, кое у кого начало создаваться впечатление, что среди военнопленных и особенно остовцев и впрямь имеются устойчивые просоветские настроения.

Особенно деятельным нашим корреспондентом был некий „Черный Ворон”. Он внимательно читал нашу газету, следил за каждым новым нашим выступлением, высказывал свое мнение, организовывал „отклики”, словом, вел активную работу против нас. Он прямо называл себя коммунистом и видел свою задачу в „разоблачении” нашей деятельности. Это был самый убежденный, самый умный и самый искренний наш противник из числа анонимных авторов. Успешно бороться с ним можно было бы только имея руки абсолютно развязанными. Постоянные вмешательства немецкой цензуры делали все наши усилия бесполезными, и в лагерях начался рост коммунистических настроений.

Сейчас мне представляется возможным ответить на последнее письмо „Черного Ворона”. Я думаю, что несмотря на то, что прошло много времени, это далеко не потеряло своей актуальности. В своем последнем письме „Черный Ворон” писал:

„Пишите, пишите! Продолжайте обманывать народ. Наш лагерь переводят в Австрию и мне будет трудно оттуда следить за Вашей предательской деятельностью. Но мы, с своей стороны, постараемся, чтобы как можно больше остовцев перешло к партизанам Тито”.

После, в 1944 году, мне пришлось побывать в австрийском Кернтене недалеко от югославской границы, и я своими глазами наблюдал деятельность титовских партизан, которым помогали наши остовцы. Может быть это и было делом рук „Черного Ворона”. Но вот интересно, в каком же положении оказался этот „союзник Тито” после войны? Он рисковал своей жизнью и заставлял рисковать жизнью других. И что же: тот, кому он помогал, был объявлен в Кремле предателем, а вся борьба „Черного Ворона” оказалась для Сталина

не только бесполезной, но и вредной. Может быть, „Черный Ворон“ с тех пор пересмотрел свои взгляды и остался у Тито? Это было бы для него, пожалуй, наилучшим выходом. Но вернее всего, что он выполнил до конца свой „долг идейного коммуниста“ и привел своих последователей в лагерь истребления на берега Печоры.

В заключение мне хочется сказать, что опыт нашей работы в то время имеет не только историческое значение. Боевая политическая газета не должна ограничиваться только регулярным выходом в свет. Она обязана иметь живую связь с читателем, а сотрудники ее должны быть не только поставщиками материалов и получателями гонораров, но и политическими пропагандистами.

Заключение

Таковы в кратких чертах мои воспоминания о первых шагах власовского движения. Мне хочется особенно подчеркнуть, что, уйдя в прошлое, первый этап власовского движения отнюдь не стал достоянием исторических архивов. Чем больше я думаю над этим, чем больше я вспоминаю деятельность погибших товарищей, тем больше извлекаю уроков для настоящего. Если бы меня спросили, что я считаю главным из упомянутого в моих воспоминаниях, я ответил бы, что главным я считаю непримиримость. Мне кажется, что кровь наших погибших товарищей зовет нас на непримиримую борьбу за счастье своего народа. Эта борьба может быть прекращена только победой или смертью.

Я позволю себе закончить мои воспоминания четверостишием из стихотворения Плещеева, опубликованного в одном из первых номеров нашей газеты, откуда и было взято ее название:

„Вперед! Вперед и без сомнения,
На подвиг доблестный, друзья;
Зарю святого искупленья,
Уж в небесах завидел я!”

Д-р М. Китаев

РАБОТЫ АРХИВА РУССКОЙ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ АРМИИ

а. Изданные Всеславянским издательством в Нью Йорке

М. В. Шатов

Библиография ОДНР в годы Второй мировой войны (1941-1945).
Нью Йорк, 1961. 208 стр. (Труды Архива РОА, Том. 1).

М. В. Шатов

Материалы и документы ОДНР в годы 2-й мировой войны.
Нью Йорк, 1966. 176 стр. (Труды Архива РОА, Том 2).

В. Осокин

Андрей Андреевич Власов; краткая биография с приложением
Пражского Манифеста. Нью Йорк, 1966. 35 стр. (Архив РОА,
Выпуск 1). Под редакцией М. Шатова.

б. Изданные Архивом РОА

А. Алдан, полк.

Армия обреченных; воспоминания зам. нач. штаба РОА. Под
ред. М. Шатова.

М. Китаев

Как это началось; из воспоминаний сотрудника газеты „Заря”.
Под редакцией М. Шатова. Нью Йорк, 1970. (Архив РОА, Вы-
пуск 2).

Бюлетень Архива РОА. Издание правления Архива. (Выходит
со дня организации Архива (1956 г.) и рассылается исключи-
тельно для членов Архива и его друзей).